

Вдохновляющие заречья

текст

Борис Родман

В этой статье пойдет речь о вдохновляющих видах, которые открываются во многих русских городах на простирающиеся за рекой обширные равнины. Материалом для обобщений послужили десятки таких городов, увиденных автором. Приведу самые свежие примеры – места, посещенные сравнительно недавно (уже в XXI веке) и хорошо запомнившиеся: Брянск¹, Елатяма², Гороховец. Последней каплей, переполнившей чашу давно назревшей темы и проявившей ее окончательно, стала Чирдынь в Пермском крае, посещенная летом 2009 года в составе экспедиции Института культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачева.

Анатомия местности

Пространственное устройство системы «город и его заречье» просто. На высоком коренном берегу, расщепленном оврагами, высятся архитектурные доминанты – в старинных городах европейской части России это, как правило, православные храмы. Они настраивают нас на восприятие чего-то возвышенного. Сопричастные к храмам, мы заимствуем у них частицу величия, вместе с ними возвышаемся над видимым ландшафтом, тем самым наделяем величием и всю местность.

Заречье величественно и вдохновляет, когда оно равнинно, просторно, бескрайно, безлюдно, пусто, заманчиво, таинственно, заполнено природным, как бы диким ландшафтом, в котором природа живет своей вечной жизнью, далекой от людской суеты, а потому и духовно ценной для нас («вечное» ценится выше «бренного»). Такое восприятие пейзажа есть в значительной мере игра нашего воображения, но для этой игры имеются вполне материальные условия на местности.

Заречье романтично и поэтично по весьма прозаической причине: из-за отсутствия моста река служит непреодолимой преградой бульшую часть года, поэтому повседневная городская жизнь не может перекинуться на тот берег. Пустое заречье может быть явлением новым, даже постсоветским, вызванным известной деградацией и трансформацией хозяйства. Вырублен первичный лес, исчезли сенокосы в пойме, а потому нет и паромы; не стало достаточно ценной рыбы, для ловли которой население держало лодки; горячее для моторок слишком дорого; непредприимчивый «абориген» не заинтересован в «бизнесе» возить туристов и «пикничников» на тот берег, ибо на бутылку водки в день ему денег и так хватает. Но мы обычно не знаем или не думаем об этих бытовых мелочах, они от нас скрыты общим вдохновляющим фоном.

Зачем «бескрайним просторам» быть заречьем, не то же ли самое будет, если смотреть на равнину с горы, не отделенной от нее рекой? Нет, не то же. Река как неременный третий элемент и главный посредник между Городом и Природой активно участвует в игре, поскольку, как и заречье, она изменяет свое состояние, вид и роль по сезонам и в зависимости от погоды. Летом и в межсезонье она – препятствие, зимой ее лед служит мостом.

Чтобы река хорошо исполняла свою третейскую роль, она должна быть отчетливо видна на значительном протяжении – «уходить в даль» направо и налево;

быть не слишком извилистой и довольно широкой; надо, чтобы с городской видовой точки были видны оба берега – ближний (городской) и дальний (заречный). Долина реки должна быть асимметричной, чтобы противоположный коренной берег долины был достаточно удален и визуально сливался с надпойменными террасами. Иными словами, пойма и «задолжье» должны казаться единой равниной. Такое наблюдается, если река течет по тектоническому рубежу, т. е. по границе между приподнятым и опущенным участками земной коры. Это ярче всего было заметно до возникновения водохранилищ в среднем и нижнем течении Волги – от Казани до Волгограда.

Для вдохновения заречьем надо, чтобы пойма обладала естественным режимом. Весенние паводки и половодья затрудняют наведение мостов и делают их излишними, поскольку в затопляемой пойме нет постоянных капитальных сооружений. Таким образом, для красоты пейзажа нужно, чтобы река сохраняла роль барьера.

Специфического вдохновляющего заречья, основанного на объективном контрасте горного коренного берега и заречной низменной равнины, нет там, где оба берега одинаково высоки. Пейзаж в целом может быть очень даже красивым и вдохновляющим, но это другой феномен (Алексин на Оке, Старица и Плѣс на Волге). Описываемые в настоящей статье заречья наблюдаются за пределами зоны Валдайского (мезоплейстоценового) оледенения, а стало быть, они отсутствуют на северо-западе Восточно-Европейской (Русской) равнины.

Заречье «дикое и безлюдное»

Безлюдье и дикость, тишина и покой заречья умиляют по контрасту с городской средой. Контраст велик, даже если приречный город очень мал и сам по себе кажется тихой обителью по сравнению с шумной, буйной столицей. В данном случае все города, расположенные у нас «за спиной», сливаются, а мы смотрим на «природу» как представители всего городского мира и как бы удивляемся, восхищаемся тем, что она существует и лежит совсем рядом, не обращая на нас внимания и в нашем присутствии не нуждаясь. Аналогичные чувства, гораздо более сильные, путешественник испытывает в горах, но, как видите, и на Русской равнине можно ощущать нечто подобное. А безлюдье местности имеет огромное терапевтическое значение, оно лечит от городских стрессов.

Безлюдье и дикость нашего заречья, впрочем, весьма относительно, иллюзорны и к тому же вторичны. Заречье кажется дикой природой, потому что там исчезли села, хутора, заимки из-за коллективизации, укрупнения колхозов, отсутствия автодорог с твердым покрытием. Дикость заречья преходящая, временная. Построят мост, и начнется вторичное освоение: город шагнет за реку, там вырастут многоэтажные кварталы, а за ними дачные и коттеджные поселки. Если, конечно, сам город будет расти и развиваться. А если он пришел в упадок и теряет жителей, то природа наступит на него и поля зарастают лесом, как на городском берегу, так и в заречьи.

Многочисленных, в том числе и безобразных следов человеческой деятельности в заречьи мы издали не замечаем, потому что они мелки, сливаются с фоном,

1. Вид не из центра города, а из Свенского монастыря в пригородном селе Супоневе.

2. Ныне поселок городского типа.

покрылись растительностью. Не просто историки, а археологи уже нужны, чтобы выявить объекты, существовавшие всего лишь полстолетия назад – многие исчезнувшие деревни, усадьбы, дома, скотные дворы, сады, парки, аллеи, карьеры, узкоколейки, колодцы, пруды, плотины, мосты, купальни, пристани, набережные... Вдохновляющее заречье – красивый (анти?) урбанистический миф.

Ландшафтный балкон города

Высокий коренной берег, с которого смотрится заречье – это ландшафтный балкон города. Мы выходим из дома на балкон, чтобы подышать свежим воздухом и приблизиться к уличной жизни, не участвуя в ней, сохраняя дистанцию, свободу, возможность в любую минуту отступить в свой мир, вглубь жилища. Наше пребывание на балконе маргинально и двойственно, но возможные исходы не равноправны: шаг с балкона вперед – это самоубийство, шаг назад – возвращение к повседневной жизни.

Стоя на ландшафтном балконе и возвышаясь над рекой как над улицей, горожанин приобщается к якобы любимой им «окружающей природе» дистанционно, символично, духовно, но телесно он принадлежит только городу. И сколько бы ни выглядывал, ни «вылезал на природу», сколько бы ни жил наш горожанин, москвич или петербуржец, в деревне, на даче, в туристской палатке и т. п., он, как правило, не расстаётся навсегда со столичным жильем и пропиской, с комфортабельным ватерклозетом и ванной, не теряет городского статуса. Редчайшие исключения из этого правила равносильны социальному суициду, куда более редкому, чем обыкновенное физическое самоубийство.

Король, князь, губернатор, епископ выходил на балкон своего дворца, чтобы приветствовать, ободрить,

благословить толпу подданных, заручиться их поддержкой³. Аналогичные чувства может переживать и «рядовой» зритель, одаренный богатым, в сущности, поэтическим воображением, достаточно интеллигентный, т. е. напитанный классической русской культурой. Он ощущает себя стоящим «над вечным покоем» ландшафта или, наоборот, над умиленным мельтешением и кишением «братьев наших меньших» – воображаемых зверей и хорошо видимых птиц; он по-хозяйски, по-царски приветствует и благословляет леса и воды; благоговейно умолкает перед всеобъемлющей тишиной или, напротив, перед весенним оркестром природы⁴; он, стоя на горе, подобно А. С. Пушкину, вдохновляется многоэтажностью, многоярусностью окружающего мира: «Отселе я вижу...»⁵ и т. д.

Пребывание в видовой точке (view point) на ландшафтном балконе вызывает у зрителя и отчасти удовлетворяет жажду «горности», горного, тягу к высоте и к полету, но не ввысь, а с высоты: не взлететь, а парить, снижаясь и, в конце концов, сливаясь с землей. Мечта о полете осуществима, если воспользоваться дельтапланом или парапланом. Но река мешает, она опасна, ибо не мала вероятность приводнения. Предостерегая от реального полета, река сохраняет относительную и кажущуюся изоляцию заречья. Не способствует приземлению летательного аппарата и лесная растительность.

На ландшафтном балконе зритель парадоксальным образом одновременно и возвышается над простирающимся ландшафтом, и склоняется перед его величием, которое само по себе есть результат большого преувеличения, когда желаемое принимается за действительность. Амбивалентное ощущение власти над каким-либо объектом и смирения перед ним без труда дается в сфере слабых и наигранных чувств, но аналогичное двойственное отношение, например, правителя

3. Такое публичное общение правителя с народом становится невозможным в нашу эпоху массового терроризма и заказных убийств.

4. В средней полосе России в «весеннем оркестре природы» доминируют одновременно кваканье лягушек и пение соловья.

5. Известный советский географ Ю. Г. Саушкин (1911–1982) приписывал А. С. Пушкину первенство в открытии и описании высотной природной зональности Кавказа.

к своим подданным известно историкам лишь как кратковременное «царственное юродство» некоторых монархов (например, Ивана Грозного).

На бескрайней Русской равнине естественно желание побывать в горах, находиться на горе или видеть горы, называть горою не очень высокий холм или высокий коренной берег речной долины. Заречьями отчасти покрывается дефицит «горных ощущений». Вид на заречья и речные водоемы нередко открывается из мест, топонимически называемых горами: Воробьевы Горы в Москве, Гороховецкие (в частности, Пужалова гора), Хвалынские и др., из коих лишь Жигули могут с некоторой натяжкой считаться настоящими горами.

Для любования заречьем оптимален достаточно протяженный бульвар, по которому можно ритуально прогуливаться, общаясь с разными встречными знакомыми, но таковой легче устроить на низменном, приводненном берегу – на набережной, не пригодной для дальнего обзора. При наличии высокого коренного берега устройству единого бульвара-балкона мешают овраги, как правило, непреодолимые и не поддающиеся благоустройству в бедном коммунальном хозяйстве, но они придают городу иную прелесть. В таком случае вместо единого, сплошного балкона мы имеем ряд отдельных видовых точек, иногда соединенных удобной тропой и мостами через овраги (Павлово на Оке). Балконность правобережья Волги очень пострадала и наполовину разрушена в Чебоксарах из-за подтопления водохранилищем; центр города, фактически оторгнутого от великой реки, превратился в странное автономное озеро, обставленное новорусскими дворцами.

Понятие ландшафтного балкона сформировалось у меня после посещения Дрездена, где возвышенная набережная Эльбы называлась «Балкон Европы».

Отсюда гуляющие аристократы любовались заречными далями, манящими на восток, в страны менее европейские, но это уже иная тема (см. раздел «Заречье как заграничье»).

Заречье и небо

Вдохновляющее заречье величественно, потому что показывает нам половину небосвода, не заслоненную никакими сооружениями или деревьями. На этом сферическом экране разыгрывается драма космических и атмосферных явлений, которые было бы трудно и неинтересно наблюдать в гуще города, из колодцев дворов и щелей улиц. Это восход и закат солнца и луны, звездное небо и звездопад метеоров ясной ночью, причудливые формы и движение облаков, молнии, зарницы, радуги, гало.

В местах скопления туристов и отдыхающих культивируется любование восходом и заходом солнца. Многим жителям СССР были знакомы закаты солнца на Рижском взморье и в Паланге, меньшему числу – восходы на горе Ай-Петри в Крыму. Восход солнца летом в умеренных широтах редко наблюдается современными горожанами. На Русской равнине мне не известны места, в которых стоило бы будить туристов в четвертом часу утра ради любования восходом. Созерцание заката, напротив, желанно и общедоступно. По количеству зрителей на первом месте стоят закаты в море, на втором – в горах рядом с известными, выдающимися, самыми красивыми вершинами.

За неимением моря и гор для любования закатом используются и лесистые заречья. В национальном парке Читуан, что в равнинной части Непала (в тарах), солнце садится в джунглях, отделенных от местопребывания туристов не преодолимой для них рекой. На закат смотрят с площадки, называемой Sunset. В других подобных местах во многих странах

мира закат солнца отражен в названиях набережных, бульваров, парков, ресторанов, гостиниц, магазинов и продаваемых в этих местах товаров. Наблюдаемый отдыхающими закат солнца – важнейший переломный момент в их вечернем времяпровождении. После него, как после выполнения важной задачи, люди перегруппировываются и приступают к следующей фазе своих вечерних занятий.

Поскольку солнце и планеты восходят и заходят изо дня в день в разное время и в разных местах (причем различия эти особенно разительны для наших внутроческих широт), ровный горизонт заречья служит естественным календарем, в качестве которого он вполне мог использоваться в доисторическое время, как при непосредственном наблюдении заречных ориентиров на горизонте, так и через посредство ближних визиров, иногда для этого специально построенных, – столбов, мегалитов, башен, а также отдельно стоящих священных деревьев. Созерцание вдохновляющего заречья освобождает от домашних и городских теснин, приближает к небу.

Заречные маяки

Монотонный фон просторного заречья может быть оживлен и увенчан небольшим числом уникальных изолированных естественных или искусственных объектов – гор, холмов, зданий, сооружений, которые, ввиду своей редкости и единственности, притягивают взор подобно источнику света. Эти объекты могут располагаться в трех визуальных зонах.

1. На «переднем плане» – у самой реки или в нескольких сотнях метров от нее. Позади, за объектами этой зоны, видна подавляющая часть заречья. Таков Знаменский, ныне женский, монастырь на низменном левом берегу Клязьмы против Гороховца. Аналогично маячит за Волгой, тоже на левобережье, Вознесенский Оршин монастырь около Твери, напротив Эммауса, но значительного вдохновляющего заречья там нет, потому что правый берег Волги тоже невысок.

2. На «среднем плане» – где-то посередине между рекой и заречным горизонтом. Такова видимая из Чырдыни замечательная гора Полюдов Камень (527 м над ур. моря), похожая на пьедестал петербургского «Медного Всадника». Таинственность горы усиливается ее единственностью, несходством со всеми ближними и дальними горами, а также транспортной недоступностью (бездорожьем) со стороны Чырдыни. Такая гора не может не обрасти яркими легендами. Например, о том, что мифический богатырь Полюд куда-то ускакал и спрятался, но в свое время вернется (международный сказочный сюжет).

3. На «заднем плане» – непосредственно над горизонтом, т. е. всегда на фоне неба. Такую роль в слабой мере играет холм неизвестного мне происхождения, видимый за лесами из Гороховца. Одинокая величественная гора или башня, вышка на горизонте может иметь для портрета города такое же значение, как Арарат для Еревана, однако столь сильных пейзажных явлений на Русской равнине мы не наблюдали.

Заречных «маяков» должно быть не много; в крайнем и не худшем случае достаточно одного. Если их окажется много, то взор наш будет рассеян, относительное величие и значительность объектов исчезнут, они перестанут быть маяками.

Заречье как заграничье

В пространственной системе «город – река – заречье» речная долина, или пойма, всегда является природно-ландшафтной (физико-географической) границей,

хотя бы на уровне средних по рангу территориальных единиц – урочищ, местностей, районов. Впечатление усиливается, если река оказывается границей между более крупными единицами физико-географического районирования – провинциями, областями, природными зонами. Такова Ока в среднем и нижнем течении и Волга на большей части своего протяжения. В качестве природного рубежа река вдохновляет, потому что наполняет знанием и ощущением большого природного ландшафта, гораздо более крупного, чем тот, который просматривается с видовой точки. Но для нашего сюжета важнее стимулируемые и катализируемые рекой границы, порожденные человеческой деятельностью.

При наличии пустого, необитаемого заречья река служит фактической, а чаще всего и юридической границей города, который приостановился, запнулся в своем пространственном развитии, не смог шагнуть за реку. Наличие тихого, сонного, не урбанизированного заречья свидетельствует о том, что уснул и сам город. Так, при советской власти несимпатичная ей бывшая дворянско-купеческая Калуга, небогатая пролетариатом, снизила численность населения до 50 тыс., была разжалована из центра губернии в центр округа и стала зарастать травой. Калугу разбудили в 1944 году, когда сделали ее центром области, и дали ей толчок после 1957 года, когда, в связи с культом К. Э. Циолковского, построили Музей космонавтики; насадили новые предприятия ВПК.

У Калуги было два вдохновляющих заречья: за Окой – сельское и полевое, а за ее левым притоком Яченкой – лесное. Архитекторы и художники восхищались тем, что все улицы этого города «смотрят в природу». Ныне Заочье (Ромоданово) застроено многоэтажными домами, а Калужский бор за Яченкой, ставшей водохранилищем, все еще смотрится издали как лес с террасы Музея космонавтики, но внутри напигован жилыми микрорайонами, различными учреждениями, дачными и коттеджными поселками, отчасти приватизирован.

Аналогично обстоит дело и с весьма протяженными историко-географическими границами, коими разделялись государства, народы, ареалы различных цивилизаций. В разное время крупные реки служили, считались, воображались границей между цивилизованным миром и землями варваров, между империей и ее внешними противниками, союзниками, сателлитами, между оседлыми народами и кочевыми племенами, между Европой как миром упорядоченной государственности и Азией как поприщем якобы не послушных закону воинственных номадов. Между реками простирались зоны различной степени европейскости – азиатскости. Таковы прежде всего Рейн и Дунай, входившие в одну восточную границу Римской империи; за ними последовали, в более скромных и кратковременных пограничных ролях, Эльба, Одер, Висла, Неман, Днепр. На земле, ныне российской, их эстафету подхватили Волга, Кама, Урал (Яик). Последней в ряду рек, претендовавших на роль границы между Европой и Азией, оказалась пересыхающая Эмба. Своею длинной, но жалкой цепью летних лужиц и такыров она окончательно перечеркнула попытки найти хоть какой-то географический смысл в разграничении этих частей света.

В гонке за право разделять людей границами не отставали и реки среднего размера. Они сделались малыми цивилизационными рубежами для своих городов, отделяя более или менее городскую жизнь от явно негородского ландшафта, освоенное земледельцами ополье от дикого полесья, город-крепость колонизаторов-христиан от селений и угодий туземцев-

6. «Три танкиста». Слова Б. Ласкина, музыка Дм. и Дан. Покрасс.

язычников (Владимир на Клязьме, Алатырь на Суре, Арзамас на Теше, Чйрдынь на Колве).

Российские большие реки в прошлом – не межгосударственные границы, а временные рубежи между постоянно расширявшейся империей и еще не завоеванными, отчасти внегосударственными территориями. Почти о каждом древнем (доекатерининском) российском городе краеведы говорят, что он возник как пограничная крепость Русского (Московского) государства, но пришел в упадок, когда граница переместилась.

Расплываясь по континенту Евразии, подобно материковому леднику, и перенося в радиальном направлении элементы своей культуры, Россия откладывала у своих рубежей «конечную культурно-географическую морену», наиболее мощную там, где передвигавшийся рубеж задерживался надолго, т. е. формировала особый приграничный ландшафт, яркими следами которого в средней полосе европейской части страны являются засечные леса, а в Предкавказье – казачьи станицы на северных берегах Кубани и Терека. В наши дни многие заречья тоже нередко воображаются как заграничные половины такого приграничного ландшафта.

Для ощущения бывшего края государства необходимо, чтобы заречье находилось на дистальной (противоположной центру страны) стороне реки. По отношению к столице взгляд наблюдателя направлен центробежно. Он должен чувствовать, точнее, правдоподобно воображать, что за спиной у него – оседлые народы, цивилизация, Европа, Россия, Москва, родина, а перед ним – страна кочевников или лесных охотников, Дикое Поле, дикая тайга, Азия, Сибирь, Туран, иноземье... Этим ощущениям более или менее отвечали в недавнем прошлом Кинешма, Юрьевец, Нижний Новгород, Арзамас, Алатырь, Симбирск, Саратов, Царицын, Оренбург. Их зарубежными аналогами были города на месте древнеримских крепостей на правобережье Дуная – Регенсбург, Вишеград, Буда.

Впечатление бывшего приграничья нам недавно доставила и Чйрдынь. Казалось, что на правом, западном берегу Колвы утвердился мир оседлых и уже христианизированных народов, а с востока угрожают дикари, язычники, кочевые племена Зауралья. Это как будто подтверждает часовня на месте захоронения 80 убиенных воинов. (На самом деле неприятель часто приходил и с юга.)

Обманчивая тишина

Впечатление приграничности усиливается стоящей над заречьем тишиной (по сравнению с любыми звуками города). На границе с враждебной страной противники затаились, стараются не шуметь, все ходят крадучись, говорят шепотом, взгляд у них суровый. Таков почти фольклорный образ советской государственной границы, невольно переносимый и в прошлое, приписываемый нашим предкам. Ключевым понятием для такой границы оказывается тишина – обманчивая, тревожная, зловещая... «На границе тучи ходят хмуро, / Край суровый тишиной объят...» (Между прочим, следующие две строки можно толковать и как намек на воображаемое величественное заречье, вдохновившее авторов песни: «У высоких берегов Амура / Часовые Родины стоят»⁶.)

Тишина и пустота «обыкновенного» пригородного заречья, далекого от всяких государственных границ и военных фронтов, тоже подозрительна и обманчива, потому что кажется неправдоподобной. В нашей стране все крупные лесные массивы подозрительны. С точки зрения экономического здравого смысла кажет-

ся странным столь частое в России соседство огромных лесных массивов с большими и малыми городами. Неужели эти земли никому не понадобились для более интенсивного использования и заселения?

Понадобились, очень даже понадобились, да только не лесному хозяйству и рекреации, а тем отраслям, о которых не принято упоминать – ни в СМИ, ни в учебниках географии. Обширные леса заполнены спецтерриториями, в одной только Московской области занимаемыми в советское время не менее 10% площади. Прежнее коренное население из этих земель попросту выселено. Многие военные полигоны расположены в заречьях (правда, не всегда вдохновляющих – из-за отсутствия видовой точки). Для них особенно благоприятны сосновые леса на задровых песчаных равнинах. Так, за рекой Клязьмой, если считать от транспортной полимагистрали Москва – Нижний Новгород, лежат Костеревские (справа) и Гороховецкие (слева) военные лагеря; за рекой Жиздрой – Козельские леса, бывшие засечные, окружающие не только монастырь Оптину Пустынь и скалу Чертово (Чертувое) Городище со святащимся мхом *Schistostega*. В глубь расположенного там национального парка тянутся железнодорожные ветки, в лесах за колючей проволокой гудят тепловозы.

Расположенные на военных землях лесничества называются спецлесхозами и тоже ведут какую-то хозяйственную деятельность. Не только национальные парки, но и почти все природные заповедники в России соединены с военными объектами: очевидно, служат для их маскировки. Ярчайший пример – Арзамас-16, большой секретный город в окраинной части Мордовского заповедника. Его жители не знали, на территории какой области или республики они проживали, – они жили только в СССР. Случайные туристы, приблизившиеся к Объекту, пропадали без вести.

Лесная спецтерритория выдает себя абсурдностью картографического изображения. На несекретных общегеографических картах в масштабе 1:200 000 и 1:100 000, выпущенных для «населения» в постсоветские годы, в таинственную глубь лесов идут автодороги с твердым покрытием, но не приводят ни к какому объекту, а заканчиваются тупиками как бы в лесной чаще. В стороне от дорог расположены, судя по условным знакам, населенные пункты, но они лишены названий и к ним не ведут дороги. Вместе с тем, в наших дремучих лесах полным полно каких-то изолированных от внешнего мира «домов отдыха» и «пионерлагерей».

Там, где воображению наших предков представлялись лешие и русалки, сегодня можно вообразить места, где роятся неприкаянные души и тлеют сваленные в кучу кости заключенных, военнопленных, репрессированных, догнивают в почве давно заросшие шпалы железнодорожных веток (как в карельской Кеми и в подмосковном Бутове).

Замечательное вдохновляющее заречье возникло в новейшее время к северу от подмосковного наукограда Пушино-на-Оке. Далекие от градостроительства и от наук о Земле советские академики, которых военные прокатили на вертолете, выбрали место для города, очарованные красотой местности, вовсе не думая о жестоких северных ветрах, взбирающихся здесь на Среднерусскую возвышенность. Экологически неудачное расположение этого тихого городка, разрекламированного местными биологами как «экополис», отчасти искупается потрясающим видом на север, за Оку, на заповедное море лесов.

Шестьдесят лет бесплодной борьбы натуралистов за

присоединение к Приокско-Тerrasному заповеднику приречных лугов с уникальной окской флорой закончились крахом. Асфальтированная автодорога, обрастающая коттеджами, отрезала заповедник от Оки. Но совсем недавно, всего лишь в 2000 году, лесная панорама потрясала безлюдьем и контрастом с городом. На видимой площади в десятки квадратных километров только один огонек светился за рекой ночью – на исчезающем хуторе Республика.

Так называемый биосферный заповедник лишь небольшая часть гигантского лесного массива, одно время претендовавшего на звание национального парка «Русский лес». О том, чем заняты остальные лесные площади, догадаться нетрудно. Туда ведут шоссейные дороги, и есть даже автобусные рейсы. Воображению рисуются подземные заводы, склады взрывчатки, пульта управления полетами, транспортные туннели. Такова она на самом деле – величественная тишина и пустота безлюдного Русского леса, наш «вечный покой», пленяющий художников.

Итак, мы видим, что обширное лесистое заречье, как и все большие лесные массивы, окутано тайной. Но тайна эта не мистическая, как хотелось бы романтику, а реалистическая – военная и государственная, секрет Полишинеля, поскольку известна и местным жителям, и зарубежным разведкам. Но не спрашивайте аборигенов, что же находится в лесу, делайте вид, будто вы сами знаете.

Ликвидация военного полигона, соединение бывшей запретной зоны с городом при помощи постоянного автодорожного моста и ее застройка коттеджами влечет за собой разрушение романтического природного ландшафта. Об этом можно пожалеть, потому что обширные военные земли, даже с их никому не подконтрольными военными охотничьими хозяйствами, фактически защищают природу, и в экологическом смысле они меньшее зло, чем не относящиеся к ним «гражданские» коррумпированные и, в сущности, фиктивные национальные парки и заповедники.

Утрата заречья

Исчезновение вдохновляющего заречья бывает физическим и моральным (или тем и другим – в разной степени). Бульшая часть заречья исчезает физически, а оставшаяся плохо видна и не вдохновляет, если река подтоплена и заменена водохранилищем. Так утратили свое хорошее визуальное заречье (Заволжье) Юрьевец, Нижний Новгород, Чебоксары, Саратов, Хвалынский.

К моральной утрате вдохновляющего заречья приводит его застройка рядовыми зданиями, прорыв территории города за реку. Это произошло в Калуге, в центре Брянска, во Владимире и в ныне зарубежных Гомеле, Чернигове, Киеве.

Вдохновляющее заречье – хрупкий феномен. Достаточно одного моста, одного здания или сооружения на противоположном берегу – и все очарование пропало. Наши пригородные заречья – исчезающее, реликтовое явление. Уберечь их от разрушения утилитарной экономикой мы не можем, но те из них, которые еще существуют, и те, о которых сохранилась только память, запечатленная в живописи, литературе, фотографиях, достойны того, чтобы считаться драгоценными частями нашего природного и культурного наследия.

